

Постойте, почему эти цыплята чирикают, как птицы? Разве они не должны были пищать, как любые другие обычные цыплята?

Самое печальное в мире было то, что цыплята говорили на птичьем языке, а он не знал даже тюркского ...

Яо Ши заметила, что дом ее дочери отремонтирован. Черепицу заменили на новую, огородили задний двор и построили две дополнительные комнаты.

«Цзяо Цзяо». Яо Ши обратилась к своей дочери, которая налиwała воду в кастрюлю: «Можно мне тоже остаться здесь на несколько дней?»

После того как Гу Цзяо закончила наливать воду и отставила деревянное ведро в сторону, она посмотрела на Яо Ши с легким замешательством.

Яо Ши поспешно сказала: «Я могу помочь тебе по хозяйству!»

Несмотря на то, что Яо Ши родилась в богатой семье, она с детства не отличалась изнеженным характером.

Конечно, говорить о том, что она могла бы работать по хозяйству в деревне, было слишком надуманно, но если ее дочь смогла вынести эти трудности, то почему она, как мать, не может быть способна на это?

«Нет, я могу сделать это сама», - Гу Цзяо отказалась.

В глазах Яо Ши промелькнул отблеск разочарования, она поняла, что отказ дочери относился не к работе по хозяйству, а к ней самой.

«Тогда ... я могу готовить! Я очень хорошо готовлю! Разве ты не хвалила меня в прошлый раз за то, что я вкусно готовлю димсамы? Я буду делать их для тебя каждый день!»

«В этом тоже нет необходимости», - ответила Гу Цзяо.

«А как же стирка одежды! Видишь, в семье столько людей, как ты будешь справляться одна?»

Гу Цзяо сделала паузу и подняла глаза, чтобы посмотреть на Яо Ши.

Она ничего не сказала, только пристально посмотрела на нее.

Внезапно Яо Ши поняла.

Дело было не в том, что ее дочери не нужна была помощь по дому, а в том, что ей не нужно было, чтобы она жила здесь.

Не то чтобы она не догадывалась о таком исходе, но она все равно не хотела сдаваться. В конце концов, в глубине души она беспокоилась о своих детях.

Яо Ши подавила горечь в сердце и улыбнулась, как ни в чем не бывало: «Тогда я оставлю Яньэра на тебя, уже поздно, занимайся делами, а я пойду».

С этими словами она улыбнулась и отвернулась.

Ее выражение лица и тон голоса были безупречны, но тело, которое не могло подавить дрожь, все равно выдавало ее печаль.

Гу Цзяо посмотрела на ее удаляющуюся спину и сказала: «Проблема не в тебе».

Шаги Яо Ши замедлились.

Гу Цзяо на мгновение замешкалась, она действительно была немного неумелой, когда дело доходило до выражения своих эмоций: «А во мне».

Когда она это сказала, ей было интересно, сможет ли Яо Ши понять ее.

У нее были очень плохие родители, из-за чего она начала отвергать всех родителей на свете.

Когда она выросла, у нее была своя жизнь, и она думала, что ей уже все равно. Но когда появилась Яо Ши, она поняла, что рана в ее сердце так и не затянулась.

Она могла принять Сяо Люланя, она могла принять маленького Цзин Куна, она могла принять тетюшку и Гу Яня, потому что они не собирались быть ее родителями.

Но она не могла сказать эти слова Яо Ши.

Последняя оглянулась на Гу Цзяо. Когда-то она думала, что дочь не может принять ее, потому что не может забыть Гу Саньфана и его жену, но теперь она вдруг не была так в этом уверена.

Должно быть, с ней что-то случилось, но она отказывалась что-либо говорить, а спрашивать было неудобно.

Яо Ши неохотно села в карету и вместе с маркизом Гу отправилась обратно в горное поместье.

Гу Цзяо продолжила варить рис на огне.

На этот раз рис готовился немного медленно.

Не известно, напомнил ли ей приезд Яо Ши что-то, о чем она не хотела вспоминать, но она вдруг вспомнила себя в двухлетнем возрасте.

Она была одета в тонкую ночную рубашку и стояла босиком в холодную зимнюю ночь с куклой в руках.

Ее насильно вытащили из-под одеяла, даже не дав надеть пары туфель.

Ее родители разразились жарким спором, на самом деле по очень незначительному поводу, но он продолжался и продолжался, и, в конце концов, спор обрушился на ее голову.

Ее толкали, она несколько раз упала и даже сломала руку.

Сначала мужчина по имени папа в гневе ушел, а затем, махнув рукой, ушла и женщина по имени мама.

Ее бросили на площади, где люди приходили и уходили, она чувствовала себя крошечным муравьем, наблюдая, как один гигант за другим проносится мимо нее.

«Мамочка ... ву - ву - ву ... Мамочка ...»

Она была в ужасе и завывала, рыдая.

Но женщина по имени мама не вернулась.

И мужчина по имени папа тоже не пришел.

.....

Поскольку рис варился медленно, Гу Цзяо пошла положить два яйца-пашот в сладкий суп для Гу Яня, а потом подошла к двери его комнаты, чтобы позвала его.

«Они ушли?» - спросил Гу Янь, наострив уши.

«Ушли», - ответила Гу Цзяо.

Только после этого Гу Янь открыл дверь, но не до конца, а лишь на небольшую щель, высунул в нее голову, чтобы осмотреться и убедиться, что его родителей больше нет в поле зрения, прежде чем выйти из комнаты.

Как раз в это время проснулась старушка. Гу Цзяо тоже налила ей миску сладкого супа, а затем рассказала о том, что Гу Янь останется у них жить.

Старушка посмотрела на хрупкого подростка перед собой, и не могла понять почему, но ей казалось, что она его уже где-то видела.

(Верно, Императору государства Чжао очень нравились двойняшки маркиза Динъяня, и он попросил императорскую наложницу Шу привести их выразить почтение Вдовствующей Императрице, так что старушка действительно видела маленького Гу Яня раньше. Но так как она не очень любила детей, поэтому отослала их с какими-то мелкими подарками, а теперь даже не помнила этого.)

Маленький Гу Янь тогда был еще слишком мал, чтобы помнить, как выглядела Вдовствующая Императрица, поэтому они сидели лицом к лицу, не узнавая друг друга.

Старушка посмотрела на сладкий суп в своей миске, а затем на сладкий суп Гу Яня, и причмокнула губами: «Давай поменяемся».

Старушка должна была избегать определенных продуктов. Сладкий суп, который ей дала Гу Цзяо, был менее сладким, чем суп Гу Яня.

Последний не знал правды, поэтому любезно поменялся с ней.

Поменявшись с Гу Янем, старушка с удовольствием съела яйца-пашот, о которых давно мечтала!

Оооо, это было так вкусно, что ей хотелось плакать!

До прихода Гу Яня старушка больше всего любила Гу Сяошуня, потому что его было легче всего обмануть, и он мог помочь ей в любой момент накопить несколько лишних цукатов. Что касается Сяо Люланя и маленького Цзин Куна, то один был слишком умен, а другой слишком принципиален, чтобы она могла его обмануть.

Гу Янь, очевидно, был более полезным, чем Гу Сяошунь, поскольку в первый же день своего пребывания здесь он отдал ей свой сладкий суп с яйцами-пашот.

Ради будущих "сладких супов с яйцами-пашот" старушка решила, что она возьмет на себя заботу о этом молодом человеке!

.....

Спустившись с горы, Яо Ши и Маркиз Гу почувствовали, что что-то не так, но они совершенно не понимали, что именно. Только когда они вернулись в горное поместье и Яо Ши достала портрет Гу Цзяо, в голове у нее зашумело.

«Господин Маркиз». Она безучастно смотрела на родимое пятно на лице своей дочери на портрете.

«Что случилось?» Маркиз Гу подошел посмотреть вместе с ней, но ничего не увидел.

Яо Ши обеспокоенно сказала: «Настоятель сказал, что родимое пятно на лице Цзяо Цзяо – это киноварь геккона, но Цзяо Цзяо замужем. Тогда они оба ... Может они не ладят друг с другом?»

Яо Ши не могла не пожаловаться на семью Гу: «Как они могли так рано выдать Цзяо Цзяо замуж? Если бы она выросла в поместье маркиза, я бы точно подождала бы еще несколько лет».

Женщины в государстве Чжао достигали зрелости в пятнадцать лет, а женщины в богатых и влиятельных семьях обычно начинали выбирать брачных партнеров для своих дочерей только после достижения зрелости.

Маркиз Гу не разделял беспокойства Яо Ши. В конце концов, он с самого начала не собирался признавать этот брак.

Бедный сючай был недостаточно хорош для его дочери! Позже он заплатит немного серебра, чтобы отослать бедного мальчика прочь, а когда он привезет девушку в столицу, кто узнает, что она была замужем за другим? К тому времени мы сможем найти ей хорошего жениха из правильной семьи!

Хотя характер и внешность девушки были далеко не такими, как у Цзиньюй, тем не менее, она была Молодой Госпожой из поместья маркиза, поэтому не могла не выйти замуж.

Тем временем Сяо Люлань, не имевший ни малейшего представления о том, что тесть собирается отослать его с некоторой суммой серебра, только что вышел из академии и собирался забрать маленького Цзин Куна из начальной школы по соседству.

Но только он сделал несколько шагов, как дорогу ему преградила карета.

Это была не обычная карета. Колеса отличались от тех, которые обычно можно увидеть на улицах их города, они были больше, выше и прочнее. Корпус кареты был сделан из первоклассной древесины желтого грушевого дерева, инкрустированной восемью огромными

светящимися в ночи жемчужинами, каждая из которых стоила сто золотых, а шелк на пологе переливался великолепием красок.

Кучером был одетый в черное мужчина в шляпе с козырьком, с сильными руками, высокой фигурой и мощной аурой.

Даже лошадь выглядела мощной и доблестной - черная монгольской породы. Казалось, она уже побывала на поле боя, и от нее исходила сильная убийственная аура, что не позволяла лошадям соседних карет приближаться к ней.

Из кареты сошел элегантный мужчина, примерно того же возраста, что и Второй Хозяин медицинского зала Тунфу, но с аурой, намного превосходящей ауру обычных людей.

Время от времени окружающие смотрели в его сторону.

Мужчина, казалось, не обращал на это внимания. Он подошел к Сяо Люланю, внимательно посмотрел на него и сказал с улыбкой на лице: «Ты Сяо Люлань?»

Глаза Сяо Люланя насторожились: «Кто ты?»

Мужчина поднял руку и мягко улыбнулся: «Не бойся, меня зовут Лю, мой хозяин попросил меня прийти и найти тебя».

Сказав это, он снял с пояса жетон и обратился к Сяо Люланю: «Ты ведь узнаешь этот жетон?»

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/2065911>